

С.В. Алпатов
(Москва, Россия)

Адинатон: объем понятия в литературоведении и фольклористике¹

Аннотация: В статье обсуждаются методологические различия в определении термина адинатон в литературоведении и фольклористике.

Ключевые слова: адинатон, теория литературы, фольклор

S.V. Alpatov
(Moscow, Russia)

Adynaton: Borders of the Term in the Theory of Literature and Folkloristics

Abstract: The article discusses the methodological differences in definitions of the term adynaton in the classical theory of literature and special folkloristic studies.

Key words: adynaton, theory of literature, folklore

Известная со времен античной литературы «формула невозможного» (греч. ἀδύνατον, лат. impossibilia) традиционно определяется как риторический прием либо фигура поэтической речи, построенные на сопоставлении двух частей высказывания таким образом, что возможность одного из называемых (либо подразумеваемых) событий ставится в зависимость от осуществления второго заведомо невозможного события. Данное определение, как правило, иллюстрируется стереотипным рядом синтаксических конструкций *когда X, тогда Y* и *скорее X, чем Y*:

Когда рак на горе свистнет.

Когда на вербе родятся груши.

Когда Пасха и Троица будут в один день.

Скорее Дунай потечет вспять и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил.

В круг адинатонов закономерно включают «формулы неисчислимого», например:

какъ възговорятъ два загоньщичка,

а по рускаму два краульщичка:

не можно ету силу сметити

и оком окинути –

нетъ столько древа стоячева,

¹ В основе статьи доклад, прочтенный на Ломоносовских чтениях 24 апреля 2017 г. (филологический факультет, пленарное заседание).

нетъ столько сучия висячева,
нетъ столько листу падучева,
нетъ столько гаду пользучева,
нетъ столько зверя борзучева,
што пришло къ намъ силы неверныя,
неверныя некрещеныя [Алпатов 2012: 3].

Нередко формулы невозможного входят в состав сложного высказывания как прецедентная сентенция (своего рода озвученная пресуппозиция развертываемого тезиса):

Яблок на сосне не бывает, но все по своей природе раждает.
Такое дитя родится, будете на него веселится.
Будет он добраго нрава и всему вашему роду слава
(Рукописная гадательная книга сер. XVIII в. НИОР РГБ, ф. 733, ед. хр. 3, л. 75).

Поскольку адинатон стандартно интерпретируется теоретиками литературы как разновидность пословичного жанра [Rowe 1965: 390–393], вне зоны исследовательского внимания остаются вопросы внутритекстовых, интертекстуальных и гипертекстуальных связей конкретной формулы невозможного.

Так, выявленные филологами-классиками случаи употребления адинатона в греческой и латинской поэзии [Canter 1930] зачастую не могут рассматриваться как изолированные контексты буколического, сатирического или драматического рода. Например, самостоятельные описания благ *утраченного* и *ожидаемого* «золотого века» в «Буколиках» Вергилия (I и IV эклоги соответственно) несомненно коррелируют в поэтическом замысле целого. Равно как и в XVI эподе Горация констатация невозможности возвращения в гибнущий Рим непосредственно переходит в предвкушение невероятных наград беглецам в грядущем:

Но поклянемся мы все: пока не заплавают скалы,
Утратив вес, – невместно возвращение!
К дому направить корабль да будет не стыдно тогда лишь,
Когда омоет Пад Матина макушку
Или когда Аппенин высокий низвергнется в море, –
30 Когда животных спарит неестественно
Дивная страсть, и олень сочетается с злою тигрицей,
Блудить голубка станет с хищным коршуном,
С кротким доверием львов подпустят стада без боязни.
Козла ж заманит моря глубь соленая!
Верные клятве такой, возбранившей соблазн возвращенья – бежим!
...Манит нас всех Океан, омывающий землю блаженных.
Найдем же землю, острова богатые,
Где урожаи дает ежегодно земля без распашки,
Где без ухода вечно виноград цветет,
Завязь приносят всегда без отказа все ветви маслины
И сизым плодом убрана смоковница;
Мед где обильно течет из дубов дуплистых, – где с горных
Сбегают высей вод струи гремучие.
Без понуждения там к дойникам устремляются козы,
50 Спешат коровы к дому с полным выменем;
С ревом не бродит медведь там вечерней порой у овчарни,
Земля весной там не кишит гадюками.
Многих чудес благодать нас ждет: не смывает там землю
Мочливый Евр дождями непрестанными,

И плодородных семян не губит иссохшая почва:
Все умеряет там Царь Небожителей:
Не угрожают скоту в той стране никакие заразы,
И не томится он от солнца знойного.

Зевс уготовил брега те для рода людей благочестных [Гораций 1970: 237–238].

В свою очередь, европейское средневековье не просто эксплуатирует наследие античности, перепевая образцовые *impossibilia* Вергилия или Овидия, но конструирует собственные модели утопии и дистопии типа ATU 1930 *Schlaraffenland* [Cocchiara 1963; Hansen 2002: 378–392], суммирующие отдельные формулы невозможного в целые каталоги адинатонов – как визуальные вроде «Нидерландских пословиц» П. Брейгеля, так и словесные в духе XXX главы II книги «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле, где «Александр Великий чинит старые штаны, Ксеркс торгует на улице горчицей, Лукреция – хозяйка постоянного двора, а Диоген, в пурпуровой тоге и со скипетром в правой руке, своим великолепием пускает пыль в глаза Александру Великому и колотит его палкой за то, что тот плохо вычинил ему штаны» [Рабле 1973: 261–266].

Сходным образом и в корпусе текстов древнерусской книжности прием адинатона регулярно опознается не только в пословичном формате, например, в известном договоре Владимира с болгарами (985 г.): «и клятву дали друг другу, и сказали болгары: тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть» [БЛДР, 1: 133] или в эсхатологических пророчествах волхвов (1071 г.): «пришел волхв, оболщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой, и прочие земли переместятся» [БЛДР, 1: 133], но и в развернутом описании «страны роскошного жития и веселия» в жанре сатиры-небылицы:

Да там же есть едина горка не добре велика, а около ея будеть 90 миль полских. А около тоя горки испоставлено преукрашенных столов множество, со скатертми и с убрусами и с ручниками, и на них ключи и мисы златыя и сребренныя, хрустальныя и стеклянныя, и различных яств с мясными и с рыбными, с поеными и скоромными, ставцы, и сковороды, и сквородки, лошки и плошки. А на них колобы и колачи, пироги и блины, мясныя части и кисель, рыбныя звены и уха, гуси жареныи журавли, лебеди и чапли и индейския куры, и курята и утята, кокоши и чирята, кулики и тетеревы, воробьи и цыплята, хлебы ситныя и пирошки, и сосуды с разными напитками. Стоят велики чаны меду, сороковыя бочки вина, стоновыя делвы ренскова и рамонеи, балсамов и тентинов, и иных заморских драгоценных питий множество много. И браги, и бузы, и квасу столь множество, что и глядеть не хочется.

А кто-либо охотник и пьян напьется, ино ему спать довольно ништо не помешает: там уславы постели многия, перины мяккия пуховыя, изголовья, подушки и одеяла. А похмельным людям также готово похмельных ядей соленых, капусты великия чаны, огурцов и рыжиков, и грушей, и редки, и чесноку, луку и всякия похмельныя яствы.

Да там же есть озеро не добре велико, исполненно вина двойнова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк пришед – хотя ковшем или ставцом, припадкою или горьстью, – бог в помощь, напивайся. Да близко ж тово целое болото пива. И ту всяк пришед пей да и на голову лей, коня своего мой да и сам купайся, и ништо не оговорит, ни слова молвит. Там бо того много, а все самородно. Всяк там пей и ежь в свою волю, и спи довольно, и прохлаждайся любовно. А там берут пошлины неболшия: за мыты, за мосты и за перевозы – 3 дуги по лошади, с шапки по человеку и со всево обозу по людям. А там хто побывает, и тот таких роскошей век свой не забывает [БЛДР, 16: 409–411].

Характерно, что употребление адинатона в русской поэзии XVIII века также варьируется от отдельных цитат античных и новоевропейских топосов до развернутых поэтических произведений (ср. стихотворения Г.Р. Державина «Если б милые девицы» и И.И. Дмитриева «Я москвой быть желаю») и построения объемной картины «мира вверх тормашками» в рамках сатирического жанра в целом [Schroeder 1963; Щеглов 2004: 410–421].

Тезис о регулярном функционировании адинатона не только в пословичном формате, но и в виде развернутых поэтических образов «невозможного», а также в форме полноценных нарративов обретает особое значение при обращении к фольклорному материалу.

Изначально описание формул невозможного А.А. Потебней, А.Н. Веселовским, П.Г. Богатыревым, Б.П. Кирданом базировалось на (общем с современной им теорией литературы) понимании адинатона как отдельной поэтической формулы в структуре форм бытового красноречия, текстов лирических песен, баллад, сказок и небылиц [Богатырев 1962].

Однако разыскания последних десятилетий в области поэтики заговоров [Агапкина 2010: 171–183], свадебных приговоров, похоронных причитаний, а также демонологических рассказов [Котельникова 2015] позволили выявить в фольклоре славян и их европейских соседей, с одной стороны, существенное число новых синтаксических конструкций и образных компонентов формул невозможного (в том числе, таких редких, как «прилетел без крыл, укусил без рыл» [Агапкина 2010: 184–189]), а, с другой стороны – систематический характер сюжетного воплощения такого рода формул в жанрах фольклорной прозы.

Так, в быличках о бродячих покойниках известие (ложное) о свадьбе брата и сестры позволяет изгнать демона («Где это видано, чтоб брат на сестре женился?» – «А где это видано, чтоб мертвый к живым приходил?»), а в рассказах о заветных кладях, где разбойники кладут зарок: «клад возьмет тот, кто положит сто голов», подслушивающий их герой кладет сто рыбьих голов либо сто осиновых колов и достает сокровище [Котельникова 2015: 198–199].

К числу фольклорных нарративов, построенных на чудесном разрешении невозможно трудной задачи, относятся волшебные сказки АТУ 465С «Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», легенды об оклеветанном святом (изгнанный из монастыря герой плывет на мантии / камне против течения), о великом грешнике (послушание «поливать головешку, пока не расцветет»), о царе Аггее, не поверившем евангельской формуле «Последние станут первыми, а первые последними», и старце, просившем руки царской дочери – в качестве проверки евангельских слов «Просите и дастся вам».

Системный характер реализации формул невозможного в разных фольклорных жанрах (но в едином перцептивном и генеративном поле устной народной традиции) позволяет по-новому взглянуть на указанные выше интертекстуальные взаимосвязи разных типов адинатона в литературе античности и средних веков.

Так, очевидным образом восходящие к польским «новинам» и западноевропейским карнавальным «утопиям», адинатоны «Сказания о роскошном житии и веселии» имеют и близкие отечественные параллели в сказочных образах небывалых «молочных рек с кисельными берегами». В том же контексте общеславянского фонда формул невозможного следует рассматривать и известный эпизод из «Чешской хроники» Козьмы Пражского:

Тогда старший, за которым остальные шли как за своим господином, обратился, между прочим, к своим спутникам с такими словами:

«О друзья [мои], не раз переносившие со мной тяжелые труды среди необитаемых чаш, остановитесь и принесите жертву, угодную вашим пенатам. С чудодейственной помощью их мы прибыли, наконец, в отечество, предопределенное нам судьбою. **Это та, именно та страна, которую я, как помню, часто обещал вам: никому не подвластная, полная зверя и птиц, меда и молока;** воздух [в ней], как вы сами убедитесь, приятный для жительства. Со всех сторон много воды, изобилующей рыбой. Здесь у вас ни в чем не будет недостатка, так как никто не будет вам мешать. Но поскольку в ваших руках будет столь прекрасная и столь большая страна, то подумайте, какое название будет наиболее подходящим для нее». Сопровождающие, словно под воздействием оракула, сказали: «Разве сможем мы найти лучшее или более подходящее название, чем [назвать её] по имени, которое ты, о, отец, носишь; и если твое имя Чех, то пусть и страна будет названа Чехией». Тогда старший, тронутый словами друзей, стал целовать землю, обрадованный тем, что страна названа его именем; встав и протянув обе руки к небу, он сказал: «Здравствуй, **страна обетованная, желанная и искомая тысячи раз, лишенная людей со времени потопа.** Приюти теперь нас и, памятуя о людях, сохрани нас невредимыми, умножая наше потомство из поколения в поколение [Козьма Пражский 1962: 33–34].»

В одном ряду с высоким мифопоэтическим (одновременно парабиблейским и парафольклорным) образом земли обетованной стоит и его анекдотическая реализация в сюжете древнерусского предания о белгородском киселе:

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время непрерывная великая война.

Узнали печенеги, что нет князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было много множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе, и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? Сдадимся печенегам – кого оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода».

Был же один старец, который не был на том вече, и послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдать печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь, и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце.

На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдать, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и 10 лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром, и вылили в латки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги.

И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князя печенежские и подиви-

лись. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли от города восвояси [БЛДР, 1: 171–173].

Суммируя сказанное, укажем на следующие перспективные векторы разработки обсуждаемой в данной статье проблемы формального и содержательного определения объема термина адинатон.

С одной стороны, очевидна потребность в комплексном междисциплинарном (фольклористическом и историко-литературном), ориентированном на этнолингвистическую специфику материала и одновременно компаративном исследовании исторической поэтики формул невозможного.

С другой стороны, результаты комплексного исследования функционирования адинатона в общем фольклорно-литературном поле античной и средневековой словесности позволят адекватно описать и проинтерпретировать процессы взаимодействия устной, рукописной и собственно литературной традиций Нового времени, когда общеевропейские топосы «мира вверх тормашками» получают в авторской сатире XVIII–XIX столетий (Кантемир, Горчаков, Сумароков и др.) характерный отечественный образно-стилевой колорит, а в собственно фольклорной традиции укореняются импортные формулы невозможного (типа «Грех скончался, правда сгорела, истина охромела...»), привлекающие своей экзотичностью и вместе с тем успешно встраиваемые в жанровую, сюжетно-тематическую и стилевую парадигму традиционной культуры [Алпатов 2014].

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина 2010 – *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. М.: Индрик, 2010. 824 с.

Алпатов 2012 – *Алпатов С.В.* «Иерусалимская история»: духовный стих-былина XVIII века // Живая старина. 2012. № 1. С. 2–4.

Алпатов 2014 – *Алпатов С.В.* «Ведомость из ада»: Судьбы европейской сатиры в отечественных религиозных субкультурах XVIII–XX вв. // Вестник церковной истории. 2014. Т. 33. № 1. С. 149–175.

Богатырев 1962 – *Богатырев П.Г.* «Формула невозможного» в славянском фольклоре // Славянский филологический сборник. Уфа: БГУ, 1962. С. 347–363.

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси: В 19 т. СПб.: Наука, 1997–2015.

Гораций 1970 – *Квинт Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970. 480 с.

Козьма Пражский 1962 – *Козьма Пражский.* Чешская хроника. М.: АН СССР, 1962. 282 с.

Котельникова 2015 – *Котельникова Н.Е.* Формула невозможного в русских фольклорных рассказах о кладах // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. М.: ГИИ, 2015. С. 190–198.

Рабле 1973 – *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Художественная литература, 1973. 784 с.

Щеглов 2004 – *Щеглов Ю.К.* Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб.: Гиперион. 2004. 720 с.

ATU – *Uther H.-J.* The Types of International Folktales. Part 1–3. Helsinki, 2004 (Folklore Fellows Communications. Vol. 133–135. № 284–286).

Canter 1930 – *Canter H.V.* The Figure Adunaton in Greek and Latin Poetry // The American Journal of Philology. 1930. Vol. 51. № 1. P. 32–41.

Cocchiara 1963 – *Cocchiara G.* Il mondo alla rovescia. Turin, 1963. 324 p.

Hansen 2002 – Hansen W. *Ariadne's Thread. A Guide to International Tales Found in Classical Literature*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. 576 p.

Rowe 1965 – Rowe G.O. The Adynaton as a Stylistic Device // *The American Journal of Philology*. 1965. Vol. 86. № 4. P. 387–396.

Schroeder 1963 – Schroeder H. *Impossibilia* // *Slawistische Studien um V. Internationalen Slawisten kongreß in Sofia 1963 (Opera Slavica 4)*. Göttingen, 1963. S. 359–378.

REFERENCES

Agapkina 2010 – Agapkina T.A. (2010) *Eastern Slavic Medical Charms in Comparative Light*. Moscow. Indrik Press. 824 p.

Alpatov 2012 – Alpatov S.V. “Story of Jerusalem”: Folk Epic Song from the 18th century. *Zhivaya Starina*. 2012. No 1, pp. 2–4.

Alpatov S.V. “News from Hell”: Destiny of European Satire in Russian Religious Subcultures of the 18–19th centuries. *Herald of Church History*. 2014. Vol. 33, No 1, pp. 149–175.

ATU – Uther H.-J. *The Types of International Folktales*. Part 1–3. Helsinki. 2004 (Folklore Fellows Communications. Vol. 133–135. No 284–286).

Bogatyrev 1962 – Bogatyrev P.G. *Impossibilia in Slavic Folklore*. In: *Slavic Philological Almanac*. Ufa. Bashkir State University Press. 1962, pp. 347–363.

Canter 1930 – Canter H.V. The Figure Adunaton in Greek and Latin Poetry. *The American Journal of Philology*, 1930. Vol. 51. No 1, pp. 32–41.

Cocchiara 1963 – Cocchiara G. *Il mondo alla rovescia*. Turin, 1963. 324 p.

Cosmas Pragensis *Chronica Boemorum*. Moscow. 1962. 282 p.

Hansen 2002 – Hansen W. (2002) *Ariadne's Thread. A Guide to International Tales Found in Classical Literature*. Ithaca, NY. Cornell University Press. 576 p.

Horatius 1970 – Horatius Q. (1970) *Ode. Epodes. Satire. Epistles*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 480 p.

Kotelnikova 2015 – Kotelnikova N.E. *Impossibilia in Russian Folk Narratives about Buried Treasures*. In: *Functional-Structural Method of P.G. Bogatyrev in Modern Studies on Folklore*. Moscow. 2015, pp. 190–198.

Library of the Old Rus Literature: In 1–19 vols. St.-Petersburg. Nauka Publ. 1997–2015.

Rabelais 1973 – Rabelais F. (1973) *Gargantua and Pantagruel*. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 784 p.

Rowe 1965 – Rowe G.O. The Adynaton as a Stylistic Device. *The American Journal of Philology*. 1965. Vol. 86. No 4, pp. 387–396.

Scheglov 2004 – Scheglov J.K. (2004) *Antiochus Cantemir and the Verse Satire*. St.-Petersburg. Gipeorin Publ. 720 p.

Schroeder H. *Impossibilia*. In: *Slawistische Studien zum V. Internationalen Slawisten kongreß in Sofia 1963 (Opera Slavica 4)*. Göttingen. 1963, S. 359–378.

Сведения об авторе:

Сергей Викторович Алпатов,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey V. Alpatov,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
alpserg@gmail.com